



Наталья  
Лаврецова

# СВИХНУВШИЙСЯ ВАГОН

Наталья Лаврецова

**Свихнувшийся вагон**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

## **Лаврецова Н.**

Свихнувшийся вагон / Н. Лаврецова — «Мультимедийное  
издательство Стрельбицкого»,

Если вы любите путешествовать, ждете чудес и необыкновенных приключений – то это повесть для вас! Загадочная проводница, таинственный маг в клетчатой накидке, два хитроумных разбойника не смогут устоять перед натиском проницательного семейства, сумевшего распутать ловко завязанный преступный клубок...

© Лаврецова Н.  
© Мультимедийное издательство  
Стрельбицкого

## Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	9
Глава четвертая	11
Глава пятая	13
Глава шестая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

# **Наталья Лаврецова**

## **Свихнувшийся вагон**

### **повесть для детей**

#### **Глава первая**

#### **В которой происходит знакомство с членами семейства**

С шумом ворвавшись в купе, семейство тут же принялось устраиваться.

– Вау! Классный вагончик! Чур, я наверху! – с ходу атаковала верхнюю полку Аришка.

Вскарабкавшись по выдвижной лесенке, она слегка подпружинила на полке, погладила мягкую ворсистость одеяла, и, выглянув в окно, принялась за обозрение нижнего пространства.

– Ну просто клевая обстановка!

– Что за странная способность выражать свои эмоции с помощью какого-то непонятного сленга? – отреагировала мама, уже выкладывая на стол...

– Меня тоже удивляет способность молодого поколения изъясняться с помощью междометий, – поддакнул и папа, пристраивая сбоку свой «провиант» из книг и журналов. – Ну что, например, такое есть «вау»? Как это перевести на русский?

... плотно утрамбованные полиэтиленовые пакеты, красочные бумажные упаковочки, соблазнительного вида баночки, что-то в фольговых обертках...

– Ну, «вау»– это... – Аришка задумалась: в какую наиболее доступную для родителей форму облечь объяснение. – Когда сказать хочешь так много, что слов просто не хватает. Вот и приходится говорить «вау»!

Брат Рома не принимал участия в разговоре: процесс распаковывания сумок интересовал его гораздо больше. Взгляд прощупывал, проверяя пакеты на содержимое: колбаса, сырные нарезки, глазированные сырки, маринованные огурчики, сладкие булочки...

Нос следовал за ними сам по себе.

– А ну-ка, Арин, вау с верхней полки! – вдруг сказала мама.

Аришка опешила, не думая, что ее учение подействует так быстро – она только собралась просветить маму в правильности употребления подобных терминов.

– Главное, чтобы ты правильно меня поняла. Больше я не буду тратить время на объяснения, буду просто говорить: «Вау»!

Итак, значит семейка. Лицо номер один – Аришка.

Лицо номер...

Впрочем, пока хватит и лица номер один.

За разговором никто не заметил, как мимо поплыла платформа. Поезд стоял, а платформа двигалась, и с каждой секундой все быстрее. Аришка не успела сообразить, как в ухо ей гаркнуло, вернее грянуло так, что она чуть не скатилась с полки:

«Говорит местный радиоузел, прослушайте, пожалуйста...»

Вот только тут до нее дошло: она же теперь не просто девочка Ариша, проживающая там-то и там-то, не просто учащаяся такой-то школы... Она теперь – пассажирка! И целых двое суток не будет больше никем, а только...

«Пассажирка, пассажирка...» – запело сердце в такт набирающему скорость поезду. Но вдруг слог «жир» оторвался и принялся с обратной стороны догонять «пасса». И Аришка поняла, что изобрела новое слово.

– Эй, ты знаешь кто? Ты – жирпасса! – с гордостью первооткрывателя сообщила она брату, и, скатав трубочкой газету, постучала по голове.

– Кто-кто? – брат оказался не слишком осчастливленным.

– Специально для глухих повторяю по слогам: жир-пас-са! То же, что и пассажир, только наоборот!

– Какой жир? Какой пасса? Кто глухой? Может, ты и наоборот, а мы нормальные! – укреплял брат запоминательный процесс вырванной из ее же рук газетой.

К счастью, голову дочери спас папа.

– Отдайте, нечитанная еще! – и, положив газету перед собой, принялся бережно ее разглаживать.

Итак, значит, лицо номер два – брат. С ним, кажется, все ясно: достаточно того, что он является братом своей сестры.

Аришкино же воображение продолжало работать: какие возможности открывает перед ней дорога?

Теперь ей не надо ходить в школу, и не надо делать уроки, и не надо... Чего же еще не надо делать? Подметать пол, мыть посуду, делать кучу разных вещей, которые просто необходимо делать, когда находишься... Она чуть было не сказала (подумала): «на суше». Как будто их поезд был корабль, плывущий... Она чуть было не сказала (подумала): «по морю». Впрочем, ведь пейзаж за окном плывет? Плывет. Значит, почти как по морю.

– Послушайте, мы есть-то сегодня будем? – из-под газеты выплыли очки, нос, потом в прямой последовательности – усы и губы. Губы производили такое движение, будто папа мысленно уже прожевывал бутерброд.

Итак – лицо номер три. Папа. Ну что про него сказать? Папа любит почитать, и еще, как утверждает мама, поест, ну прямо-таки во вселенском масштабе.

Нет, все-таки приятнее думать не о том, чего делать нельзя, а о том, что можно. Можно, например, валяться, сколько вздумается. А что в поезде еще и делать, как не валяться?

– Ариша, хватит валяться! – раздалось почти над самым ее ухом. – Вставай!

«Вот интересно, почему мы до сих пор не проехали Останкинскую телебашню?» – позволила себе Аришка нетактичность проигнорировать мамины слова.

Именно с этого момента для нее всегда начиналась дорога. Ей и сейчас хотелось сказать «прости-прощай», а еще лучше «до свидания» длинноногой дылде, словно на цыпочках вставшей над городом. Башня-дылда и сама напоминала ей длинноногую девчонку в коротких растопыренных юбочках, кружащихся на высоте. Как-то они с мамой даже были у нее в гостях: они поднимались на скоростном лифте, а юбочки кружили перед ними в почти достигаемой близости. Это было что-то!

«Еще не хватало – башню сперли!»

– Ариша, ну, сколько можно валяться? – голос мамы отдавал металлической конструкцией самой башни. – Вставай, тебе говорят!

Только тут до Аришки дошло: они же едут совсем по другой дороге! Совсем в другую сторону! Совсем с другого вокзала! Не с того, с которого уезжали, когда ездили к бабушке на каникулы! Вернее, сейчас они тоже едут к бабушке, только к другой, к папиной. А именно – едут в город Кснибляч, к своим родным, которых Аришка не видела так давно, что даже стала забывать их лица.

Она быстро попыталась себе их представить: лицо старшей двоюродной сестры Динки, младшей Янки, их брата Рината, мамы – музыкантши тети Иры, папы Шамиля, который почему-то все строит гаражи, умной тети Риты – старшей папиной сестры, и, наконец, бабушки Зинаиды Гавриловны.

«Уф, кажется, никого не забыла. Если так долго не видеться, пожалуй, еще наживешь себе ранний склероз».

– Ну, все, Арин... Мое терпенье кончилось. Сейчас я тебе такое «Вау» устрою!

Эх, мама-мама! Ну что про нее сказать? Мама всегда найдет для нее какое-нибудь занятие, даже если это сделать практически невозможно!

– Интересно, как же я пойду их мыть, если туалет закрыт – санитарная зона! – достойно аргументировала она.

– Тогда иди, занимай очередь! Нечего тут валяться!

Ну, мама, в общем!

Итак, кажется, представлены все:

– Послушайте, мы есть-то сегодня будем?

– Арина, спускайся, хватит валяться!

– Щас я тебе покажу, кто тут жирпасса!

И все же, чтобы картина была более полной, говорящей об отношениях в семье – следует добавить еще хотя бы один эпизод. Когда Арина, наконец, собралась спуститься...

– Дайте мне трап! – крикнула она, имея в виду (дураку понятно), выдвижную лестницу. Но вместо трапа с ней рядом приземлился... Ее собственный тапок, чуть не снес ей ухо!

– Это еще что такое? – законно возмутилась она.

– Ты просила дать, вот я тебе и дал! – ехидно отозвалась нижняя полка голосом брата.

– Я просила трап, а не тапок, – возмущению Аришки не было предела: она уже сидела на верхней полке, свесив ноги вниз. – Вот я тебе сейчас тоже... дам!

– Как же, додавалась! Спустись сначала... – издевалось над ней нижнее пространство. – Запомни: трап нельзя кинуть снизу вверх, это уже будет не трап, а веревка какая-нибудь. Если уж берешься использовать морскую терминологию – так хотя бы делай это правильно!

Слушать ликбез с болтающимися ногами было занятием не из приятных. Устав елозить, Аришка спрыгнула прямо на то, что под ней и было. Под ней были колени ее брата Ромы.

– Ну вот, падают тут всякие! И грязи натрясла, а я, между прочим, перед дорогой брюки парил, – загундосил он, будто ему на колени упала не родная сестра, а мешок с трухой.

Аришка удрученно вздохнула.

– Ни за что не поверю, что когда я была маленькой, этот человек катал меня в коляске! И пусть не сочиняет!

И перекинув через плечо полотенце, она отправилась топить свое возмущение в умывальной раковине.

## Глава вторая

### Чудеса порой приходят раньше, чем их ждешь

Смывая с лица накопленные обиды, Аришка и представить не могла, что за это время произошло в купе.

А когда вернулась...

Ей показалось – она ошиблась номером. Хотя, судя по фигурам, купе было их собственное. Но какое же странное положение было у этих фигур!

Здесь происходило... Нечто!

Просто беспорядком это назвать нельзя. Скорее – бардак. Или – хаос?

Все вещи, тщательно упакованные и уложенные, – были снова вытащены. Сумки и дорожный чемодан зияли распахнутыми внутренностями. И над всем этим беспорядком, бардаком, хаосом порхали три пары рук, а три пары глаз пытались в этом что-то разглядеть.

– Говорю же – доставала! – встряхивала головой мама, а папа с Ромой шарили по дну большой сумки, больше мешая, чем помогая друг другу.

– А может, все-таки забыла? – бросал папа взгляд на залитую кипятком вермишель. – Хотела положить, а потом... Как это иногда бывает.

– У кого бывает? – сомнению не подлежало: у мамы такого не бывает и быть не может!

– Говорю: вытащила собственными руками! Вот этими! – вертела она ладонями у папы перед носом. – Вытерла их о салфетки... Вот, салфетки-то – лежат!

– Да что пропало-то? – Аришка решила, наконец, обратить внимание и на себя.

– Да... – отмахнулась было мама, но брат Рома почему-то на этот раз решил удовлетворить детское любопытство сестры.

– Пропали ложки... – с каким-то особым подтекстом произнес он. – Чайные. Причем прямо со стола.

У Аришки в голове пронеслось: «Таинственное исчезновение чайных ложек». Отличное название для детектива!»

– Будто нечистая сила унесла, – развела руками мама, словно пытаясь разогнать в воздухе эту самую нечистую силу.

– Везде смотрели? – что-то продолжало зудеть у Аришки внутри.

Она попросила всех привстать...

Мама с папой нехотя подчинились. Плохоподъемный брат Рома буркнул, словно укусил кислую сливу:

– Тоже, детектив нашелся! Шерлок Холмс в юбке! Ха-ха-ха! – тем не менее поднял свой зад и даже позволил заглянуть под него.

Результат был нулевой – ложек под его задом не оказалось.

Тогда Аришка еще раз осмотрелась. Еще раз подумала. Заставила брата чуть-чуть поддвинуться, вернее даже очень вежливо попросила. И забралась, зафиксировавшись ногами на обеих нижних полках, так, что лицо ее оказалось на уровне верхней.

– Ты что, под потолком будешь ложки искать? Или ты думаешь, что у меня с головой...

Мама еще не успела сказать, что именно у нее с головой, как...



## Глава третья

### Повествующая о том, чего быть не может, но иногда, оказывается, все-таки случается

Как Аришка увидела...

Они лежали на верхней полке, зарывшись в мягкую ворсистость одеяла. Эти самые невинные чайные ложечки.

Но удивительное было даже не в том, что они нашлись, и даже не в том, как они туда попали... Удивительное было – как они лежали!

– Смотрите! Их словно кто-то сложил крестиком!

– Скажи еще – ноликом! – брат почему-то не слишком обрадовался сенсационному открытию сестры. Скривив физиономию, он даже полез удостовериться: надо же уличить сестру в ее недалеких детских фантазиях.

Но когда взгляды всех сфокусировались на уровне второй полки – в купе воцарилось тишина.

Все было именно так: предметы утилитарного использования, какие-то там... И не ложки даже – так, ложечки для тортов и десертов, глядели на них с пушистого ворса, преобразовавшись в некие символические величины. Таинственные магические знаки.

– Глупая шутка! – сказала мама. – Интересно, и кто их сюда положил?

– А вермишель, между прочим, остывает! – реплика, понятно, принадлежала папе.

– Что-то ты слишком быстро их нашла! Уж как-то даже слиишком быстро! – брат специально протянул это «и», словно пакостно поковырял пальцем.

Достичь желаемого ему удалось – три пары глаз вопросительно скрестились на Аришке.

– Типичная несправедливость! Да я... – от возмущения теряла Аришка дар речи – Я-я-я...

«Вот и делай после этого людям добрые дела»!

– Да меня, между прочим, и в купе не было! Да я, между прочим... А может, сам и спрятал? А чтобы следы замести – свалил на меня?

– А что мне их замечать? Баба Яга я, что ли?

– А алиби у тебя есть?

Но привлеченные ее словами, родители теперь смотрели на Рому. Не могли же они, в самом деле, предположить, что ложки сами подпрыгнули, да еще сами уложились на полке крестиком – этикие дрессированные чайные ложечки! Разобраться, несмотря на остывающую вермишель, было необходимо.

– Ага, сначала, значит, сам спрятал, а потом, значит, давай сам и в сумках рыться?

– Очень, между прочим, распространенный метод в преступном мире!

На самом-то деле Аришка, конечно, не думала, что это брат Рома сложил ложки крестиком – больно ленив. Но очень уж хотелось отыграться на нем за все сразу: и за жирпасса, и за тапок, и за все свое поруганное детство.

Но – качала головой мама:

– Нет, на Рому это непохоже. Он любит поесть. Зачем бы он стал сам от себя ложки прятать?

– Я тоже люблю поесть! – на всякий случай предупредил папа, будто об этом еще кто-то не знал.

– Что ж, видимо, придется подозревать саму себя... – и мама тревожно перевела взгляд на зеркало. И что-то такое появилась в ее взгляде...

– Вот спросит меня Господь Бог: «А правильно ли вы воспитываете своих детей? Почему у вас сын такой ленивый, а дочь такая болтливая?» – и она вдруг смотрела на зеркало так, будто и впрямь увидела там самого Господа Бога.

Аришка совсем не была уверена в справедливости маминых слов, особенно их второй половины, но, тем не менее, представила: сидит на облаке, весь белый, словно обсыпанный мукой, Господь Бог, а перед ним стоит такая понурая маленькая мама. А он пытается ее, задает разные вопросы. И ей вдруг стало так жалко маму, которая столько сил в них вкладывала, а теперь ей еще и перед Богом отдуваться...

– А ты скажи: потому что папа принимал мало участия в воспитании! Пусть тоже отвечает, не все тебе!

Папа от таких слов даже поперхнулся:

– А ну-ка, давайте сюда эти ваши мальтийские кресты, я ими есть буду!

– Вот видишь! – вернулась мама из путешествия по зазеркалью. – У него от твоих слов только аппетит разыгрался!

Она принялась доставать с полки и, протирая по одной, возвращать беглецов обратно.

Взглянув на приоконный столик, на котором лежали в самом своем обычном воплощении самые что ни на есть обычные чайные ложечки, Аришка подумала вдруг:

«Что же обозначали они, эти таинственные знаки?»

Она чуть поскребла пальцем по шероховатой поверхности вагона...

И... О чудо! Ей показалось – вагон, как-то резко качнувшись, откликнулся ей. Но сказано это было по большому секрету, и лишь тому, кто умеет слышать, а значит, всем остальным знать совсем не обязательно.

## Глава четвертая

### В которой появляется... Ну очень странная проводница

Итак, семейство приступило к дорожной трапезе. С легким подрагиванием продуктов на столике, отколупыванием скорлупы вареных яиц, которые, наверное, со времени первого пущенного поезда являются главным дорожным блюдом.

Но – не успели Аришка с Ромкой проверить яичную скорлупу на прочность, не успел папа донести до рта бутерброд, как... Двери купе поползли в сторону. И на пороге появилась...

Ну, проводница как проводница, видели они ее уже, когда садились в вагон. Правда, и тогда она уже с каким-то особым пристрастием разглядывала их билеты, впрочем, на это имеет право каждый проводник.

– Это вы хотели выпить чаю? – спросила она их так, будто пить чай в вагоне занятие противоестественное. Лицо ее при этом даже выражало любезность, вернее, она изо всех сил старалась ее изобразить, но, казалось, любезность к ней просто не шла. Рот ее растягивался в бесконечную жвачку, из него, казалось, просто «выпадали» режущие акулей белизной зубы. И этими своими зубами она резала их, будто все они были один большой именинный пирог.

– Значит вы! – прирезала окончательно, давая понять – какой абсурд то, что они хотели сделать.

– А почему, собственно, мы не можем захотеть выпить чаю? – с неожиданной робостью спросила мама.

– Да, почему, собственно? – даже папа удивился своему вдруг дрогнувшему голосу.

Но, словно почувствовав опасность именно с этой, папиной стороны, проводница развернулась, и – пошла на него!

Она «шла» на него, как идет тореадор на быка, всем корпусом, грудью, руками и ногами, вмиг забив папу в угол купе, словно мяч в угол ворот. Забитый в угол папа был нокаутирован, обезврежен и ей не опасен. Приблизив каучуковые губы к самому его лицу, она прошипела ему в самое ухо:

– Потому, уважаемый папа, что... – но вдруг оборвала себя на полуслове. Поддержав темный рукав униформы, бросила взгляд на маленькие, спрятанные под рукавом часики:

– Потому что сейчас только девятнадцать часов десять минут! – и улыбнулась, довольная, что смогла хоть что-то объяснить этим непонятливым, разновозрастным детям.

Но и после ее аргументированной речи, их лица не прояснили.

– Ну и... что? – позволила себе нетактичность мама. – Почему мы не можем захотеть выпить чаю в девятнадцать часов десять минут?

Та, казалось, хватанула ртом горячего пара.

– Конечно! – выдохнула она. – Конечно, вы можете захотеть выпить чаю когда угодно! Когда вам будет угодно! Но ведь мы еще даже не проехали... Назарь! – и передернула плечами, понять, что уж на этот-то раз сказала больше, гораздо больше, чем ей следовало.

– Ах, Назарь... – мама оглянулась в надежде, что, может, кто-то понял больше ее.

– Да, Назарь мы действительно не проезжали, – кивнул папа.

И дети закивали тоже, обрадованные, что услышали от нее хоть одно знакомое слово:

– Да, верно! Назарь не проезжали! Точно!

– Вот, видите! – акулий рот захлопнулся.

– Что – видим? Что не проезжали Назарь? – пыталась воззвать к здравому рассудку мама. – А чай причем?

Проводница, принявшая было более осмысленное выражение, покривилась снова: весь труд по объяснению пропал даром.

– Послушайте... – вылезая из угла, попытался реабилитироваться папа: – Что вы нам мозги пудрите? Назярь не Назярь, при чем тут это? Вы что, своих обязанностей не знаете? В них, между прочим, входит обслужить пассажиров, по их желанию подать им чай, кофе...

– Шоколад в постель... – вдруг плотоядно лязгнула зубами проводница.

– Так, кажется, я поняла! – голос мамы прозвенел жизнеутверждающе.

– У вас просто не нагрет бак! – втиснула она свое заключение в простую логическую формулу. – Так бы сразу и сказали, что кипятилок, мол, будет после Назяря...

– Бак? При чем тут бак? Какой бак, гражданка?

– Обыкновенный. Для кипятка! – не снижала своего жизнелюбия мама.

Члены семейства тоже обрадовались таким простым и понятным маминым доводам.

– Который у вас стоит при входе!

– Который вы топите углем!

– Из которого вы всем наливаете чай!

Но проводница продолжала сверлить взглядом маму, словно пытаясь сделать в ней дырку.

– Бак у меня давно нагрет, гражданка! – и она облила маму... не кружкой, не стаканом, не ушатом – целым баком презрительного яда.

– Что ж, раз вы так хотите – будет вам чай! Только не говорите потом, что я вас не предупреждала!

– О чем? – глянули на нее четыре пары глаз.

– Разумеется, о том, что мы еще не проехали Назярь!

## **Глава пятая**

### **В которой выясняется, что иметь дело с проводницей не только таинственно, но и опасно, стаканы превращаются в летающих птиц, а у папы неожиданно пропадает аппетит**

– Кажется, я сейчас сойду с ума, – едва за проводницей закрылась дверь, мама нащупала под собой полку.

– Ты-то еще, может, только сойдешь, а кто-то... – но прежде чем это произнести, папа предусмотрительно выглянул в коридор.

Ромка же осмелел настолько, что позволил себе даже покрутить у виска пальцем:

– Да, у кого-то явно не все в порядке с головой!

– А мне кажется, это у меня не все в порядке с головой... – взглянул папа на накрытый стол. – Битый час сижу против этих бутербродов и еще ни одного не съел!

– Съел, – машинально ответила мама.

– Когда это съел?

– Когда проводница говорила про шоколад! – поддержала ее и Аришка.

– Затолкал в рот и не заметил!

– Раз не заметил – значит, не съел! От волнения не считается!

Больше всего ему хотелось, во-первых, поест, во-вторых, почитать, в-третьих, подремать. Не зря же он набрал с собой эту кучу книг и журналов. Но они ехали уже почти два часа, а он еще не сделал ни первого, ни второго, не говоря уж о третьем и четвертом.

– А вы заметили, какие у нее глаза? – прервала папины страдания Аришка. – Ледяные, как у снежной королевы.

– Бедная маленькая Герда, – брат двумя пальцами прихватил сестру сзади за шею. – Сейчас снежная королева превратит тебя...

– Мама! – на всякий случай крикнула Аришка, не желавшая ни во что превращаться.

– В холодную мраморную...

Но превратиться Аришка не успела: двери купе снова поползли в сторону. Из-за них, по-змеиному извиваясь выползла...

Но это была всего лишь рука! Рука, в черном форменном рукаве, поддерживала круглый поднос, а на нем стояли: четыре стакана в четырех изящных подстаканниках!

– Вы чем-то недовольны, пассажиры? – за подносом и извивающейся рукой показалась и сама их обладательница.

– Я вас плохо обслуживаю? – застыла она перед ними в картинной позе. При этом пальцы ее продолжали покручивать поднос, и становилось непонятно: как удерживаются на нем четыре стакана в четырех подстаканниках с горячим чаем?

И все же, что бы она сейчас ни делала, а стаканы на ее подносе были настоящими, и настоящим был покачивающийся в них чаек, и плывущий над ними парок тоже был настоящим. Проводница пронесла его по купе и остановила у столика.

Теперь, когда она доставила все это в наилучшем виде, обижаться на нее было просто глупо.

– Чай подан! – еще больше изогнулась она, словно желая продемонстрировать, как она готова угодить пассажирам. Аришка даже испугалась – не свалится ли она тут вместе с подносом, и не придется ли им собирать по частям ее саму и осколки от стаканов?

– Вы обслуживаете нас замечательно, просто замечательно! – чуть не сделала мама реверанс, достойный самой проводницы. Они обменялись лезвиями улыбок, и показалось: в купе раздался звон двух скрестившихся шпаг.

Но, обрадованный чаем, папа вскричал:

– Чай – это прекрасно! Чай, чаек, чаище! Когда за окнами снег, непроглядная тьма, согреться чаем – что может быть лучше? – и, разрядив обстановку, первым протянул руку...

Вот тут это и произошло. Совершенно невероятное, совершенно непредсказуемое. То, чего в реальной жизни не бывает и быть не может, но иногда, как оказывается, все-таки случается!

Едва папина рука протянулась к стакану, как тот вдруг сам, словно живой, приподнялся в воздух вместе с подстаканником... Застыл там на секунду...

И, не спеша, двинулся в сторону папы!

Папа ничего не успел сообразить, он даже не успел охнуть, только инстинктивно взмахнул руками. Словно это была муха, и он хотел от нее отмахнуться.

А стакан, добравшись до папиной ладони и словно не ожидая ее здесь застать – споткнулся... Стакан покосился... Подстаканник накренился...

И – кипяток плеснул папе прямо на брюки!

– Ай! – вскрикнул папа.

Вот тут уж он действительно закричал, пусть больше от неожиданности и изумления, чем от боли. Хотя удовольствие получить ожог через прилипшую к ногам штанину, прямо скажем, не самое приятное.

И пока ошпаренный папа возился со штаниной, он не видел того, что происходило дальше! Как остальные стаканы вслед за первым – тоже взлетали с подноса, плавно переносились по воздуху...

При этом легкий парок тянулся следом, ложечки тихонечко позвякивали «дзинь – дзинь», «дзинь – дзинь», словно, не переставая, помешивали сахар.

О, это надо было видеть! Эту стаю перелетных птиц, вернее – перелетных стаканов!

На самом деле все произошло быстро, очень быстро: поднятые невидимой рукой, стаканы на секунду застыли в воздухе и один за другим приземлялись, вернее, пристакивались, как на аэродром, на плоскость маленького столика.

Все произошло буквально в несколько секунд, но открывшее рты семейство так и не сумело их закрыть.

– Приятного чаепития! – и не думала скрывать своего торжества проводница. – Надеюсь, чай вам понравится! Оччень понравится! – и, выскочив как-то по гусиному, вдруг подкинула поднос в воздух. Взмыв к потолку, тот перевернулся в воздухе, блеснув зеркальными гранями, словно тарелка в руках жонглера, и принялся падать в ее подставленную ладонь.

Проводница ловко поймала его и гордо удалилась.

Первой возможностями открытого рта воспользовалась мама.

– Что это было?

Все молчали. Папа до сих пор еще возился со штаниной.

– Кажется, я знаю! – раздался голос. – Вернее, не знаю, как это называется, но думаю... что это было...

Аришка набрала в грудь побольше воздуха:

– Это было... Самое... Обыкновенное... Чудо!

Но, заметив устремленные на нее взгляды, особенно один, братский, засуетилась:

– Что ли вы никогда чудес не видели? В вашей жизни, что ли, их не было?

Родители переглянулись. При этом папа почему-то посмотрел на маму, мама на Аришку... Аришка же покосилась на брата. Тот вдохновенно уставился в потолок.

– Но ведь это было так замечательно, когда они плыли, так чудесно...

– Вообще-то и вправду – ничего! – вынужден был признать Ромка, и это тоже было похоже на чудо: брат редко позволял себе соглашаться с сестрой. – А что, лично я не против превратиться в такой стакан. Сидишь так на уроке, надоело – и раз в окно, только ложечкой помахал на прощание.

Аришка заметила: по лицу мамы проползла улыбка. Возможно, она представила Рому, вылетающего, к ужасу учителей, в виде такого стакана, прикрывающегося школьной сумкой. А может – себя? Но тогда стакан превратился бы в ступу, портфель в метлу, а мама... В маму Ягу, что ли? Нет, на маму Ягу она явно не тянула. Вот проводница – эта да! Ее запросто можно представить в какой-нибудь деревянной ступе: метла гремит, ступа стучит, космы развиваются...

– А может, они, эти стаканы, – того? Заколдованные? – прервал Аришкины фантазии брат. – Вдруг улетят?

Но стаканы не улетали. Они стояли прочно, как танки, словно олицетворяя собой известный лозунг «Они не пройдут». И вместе с тем их присутствие было таким соблазнительным, таким натуральным... Они источали парок и аромат хорошей заварки.

– Так что? Чай пить будем?

Первым мамин взгляд остановился на папе:

– Дорогой, ты же так мечтал о чае! Был так счастлив, когда его принесли! Не хочешь ли ты попробовать его первым?

Но папа как-то нерешительно отводил глаза в сторону.

– Что-то у меня пропал аппетит!

– Аппетит? – пожала плечами мама. – Пропать у тебя может все что угодно, только не аппетит. Тем более – мы говорим о чае...

– Все равно пропал, – упорствовал папа. – Я же не знал, что они будут летать!

– А может, все же они – того? – снова подлил масла в огонь Ромка.

– В каждом мужчине живет охотник. Представь, что это дичь: она тоже летает, – не сдавалась мама, будя в папином сознании мужчину-добытчика. – А ты ее подстрелил! Неужели после этого не будешь ее есть?

– Однажды я пытался убить курицу, – несчастным голосом продолжил папа. – Так я был весь синий, а ей хоть бы что! Так что охотника из меня бы явно не получилось!

– Тогда может из тебя и мужчины не получилось? Так, предмет для одевания... брюк! – и мама огорченно вздохнула. – Что ж, придется самой!

И она уже протянула руку.

– Что? Предмет? – папу подбросило, как на батуте. – Для обувания? То есть, для одевания? Ну, знаете... Это уж слишком! – в папе все же победил глава семейства. – Ну сейчас я вам покажу!

Что именно папа собрался показать – он не сказал, но по всему было видно: покажет!

– Аришик!

Услышав свое имя, Аришка даже вздрогнула.

– Укажи мне на любой стакан! На любой!

– Но почему именно я? Ведь есть же – постарше! – до Аришки вдруг дошло – какая ответственность ложится на ее плечи: может, за всю папину еще непржитую жизнь!

– Потому... – отводил он глаза в сторону. – Может, это моя последняя просьба. Так пусть моя судьба решится рукой моей дочери, которая, которая...

Аришка еще колебалась и вдруг решительно выхватила из-под подушки книгу: «Папа любит читать, вот на ней и погадаю!»

Она зажала между ладонями издававший виды бестселлер про приключения космического пса – спай-с дога:

«Пусть ответственность ляжет на него, ему что, да и с космоса видней!»

И – резко его открыла:

– Страница двадцать три! – произнесла она голосом судьи. – Значит, будем считать до двадцати трех!

– Двадцать три – это хорошо, – уговаривал себя папа, пока Аришка водила пальцем по кругу. – Двадцать три – мое любимое число. Двадцать третьего числа я познакомился с твоей мамой, ей тогда было двадцать три года. И она была такая тихая, кроткая, она бы не позволила себе сказать, что я какой-то там предмет...

– Двадцать три! – и Аришка указала на стакан напротив папы.

– Этот? – неприязненно смотрел на него папа. – А ты хорошо посчитала? Ведь у тебя с математикой...

Продолжать он не стал. Бросив последний, может быть, прощальный взгляд на маму, схватил стакан обеими руками, и...

Все, замерев, ждали.

Аришка ждала чего угодно, но уж, конечно, не того, чтобы папа тут начал летать и каркать. И когда увидела, что папа как ни в чем не бывало сидит, а стакан перед ним стоит, при этом совершенно пустой, совершенно выпитый – даже разочаровалась.

А папа, кажется, сам ничего не понял: и стоило из-за этого так волноваться! Стакан перед ним стоял пустой – значит он его все-таки выпил.

– Вот так-то! – сказал он, поглядывая гордо. – Будете теперь у меня знать!

Что именно они должны знать – он снова не сказал, но уж теперь-то просто обязаны догадаться!

– А выпью-ка я, пожалуй, и еще стаканчик... – и он уже потянул руку...

– Ну, уж нет! – почти вырвала стакан из его рук мама. – Всем надо! Все хотят! А не выпить ли и нам чайку? – обернулась она к детям.

И все тут же снова уселись за стол.

И всем было весело.

Весело было папе, потому что он оказался таким храбрым. Что заслужил себе право – спокойно есть бутерброды, пить чай и быть уверенным, что его не назовут каким-то там «предметом».

Весело было маме... Ну, хотя бы потому, что папа оказался таким храбрым. Приятно осознавать, что ты вышла замуж за мужчину, а не за какое-нибудь там «облако в штанах». Да и вообще хорошо, что все когда-нибудь кончается, особенно плохое и непонятное.

Аришке же было весело...

Ну, хотя бы потому, что ей-то как раз казалось: все только начинается! Ведь они еще даже не проехали Назарь! Не зря же проводница им на что-то намекала.

Нельзя сказать, чтобы очень весело было Ромке. Чего, собственно, веселиться? Что стаканы не летают? Так он и против летающих ничего не имел. Удовольствие-то какое: сами себе прилетят, сами себе улетят, и мыть не надо. Пусть себе летят.

Так они сидели и пили. Когда кипяток в стаканах кончался – шли к баку и наполняли стаканы снова, на всякий случай поплотней придерживая в руках.

А за окном... Мелькали огни, проносились полустанки, гукали встречные поезда. И может, это и есть одно из лучших занятий в мире: пить чай, сидя в купе летящего поезда, вот так, всем вместе, слушая перебранку колес, переключку поездов в ночи...

И ехать в какую-нибудь удивительную страну, где тебя ждут.



## **Глава шестая**

### **В которой Аришка знакомится с привидением, папа начинает читать, а закончит в следующей главе**

Но папа зевнул, чуть не заглотив одним зевком все купе.

– А не пора ли нам, дорогие мои...

И это означало: всему семейству пора чистить зубы и ложиться спать.

У Аришки, с первых минут появления в поезде, жила произнесенная вслух мечта: хоть одну ночь поспать на верхней полке. Те, кому приходится делать это часто, вряд ли ее поймут.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.